

О новаторстве и оперном репертуаре

Среди лучших музыкальных театров нашей страны ленинградский Малей оперный театр (Малегот) занимает особое место. За ним давно уже установилась слава театра передового, смелого, исходящего вперед.

Новаторство, смелое дерзание — одна из характернейших черт советского искусства. Новые величайшие идеи, новое содержание, которые след приязно воплотить в своих образах, требуют от наших художников творческой смелости, смелых экспериментов, неустанных поисков художественной правды, новых творческих приемов и выразительных средств. И лучшие наши художники, лучшие наши театры (судьи самоуспокоенности, им всегда свойственна жажда совершенствования).

В этом смысле план Малегот, который был вчера утвержден Комитетом по делам искусства, чрезвычайно характерен и показателен. Вместе с тем представляемый театром план позволяет говорить и о некоторых серьезных недостатках, о теневых сторонах в работе наших музыкальных театров.

Самыми важными и капиталными постановками, которые намечены в плане на декабрь 1938 г. и на 1939 г., — это опера «Мать» (по Горькому) Желобинского и опера «Волочавские дни» Двержницкого. Формально темы обеих этих опер — «исторические». Но на существу это темы нашего сегодняшнего дня, глубоко волнующие и живо интересующие нас. «Волочавские дни» — это опера о героях и замечательной отгаке советских людей. В образах этой эпохе для нас будут воплощены не только незабываемые воспоминания об «огненных вечах Спасока», но и о недавних героических делах и подвигах на опере Хасан и на озере Заозерной. «Мать» Горького — это тема с 1906 года, это наше революционное прошлое, которое с глубочайшим интересом и волнением мы восстаиваем в памяти по пламенным страницам «Краткого курса истории ВКП(б)».

С огромным интересом мы будем ждать этих спектаклей, намеченных в постановки и в московском Большом театре.

Бессспорный интерес представляет также намеченная Малегот постановка оперы Пашенко «Помпадур» (по Щедрику). У нас совершенно нет новых советских комических опер. И очень давно, что Малегот смело берет за острый тему в щедриковские помпадуры, поручает эту постановку хорошо знакомому и уважаемому себя молодому оперному режиссеру Шлепянову.

На постановка «Помпадур» мы останавливаемся еще и потому, что тема этого спектакля является оригинальным приобретением, интересной находкой Малегот. Очень важно, чтобы наши театры — каждый по своему, а не просто копируя друг друга, — боролись за создание своего собственного оперного репертуара. Между тем, за последние годы в этой области выработался некая инерционность. Вполне известно, что все наши театры ставят «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Вронченко», «Тележники». Естественно, конечно, что всякому театру хочется заполучить апробированную вещь апробированного автора. Но у нас, однако, нередко в театрах злоупотребляют этим; нередко это служит лишь предлогом для того, чтобы самки ничего не делать, ничего не искать, не «рисковать». «В Москве поставят — москвичи рассудят, а потом уж мы придем на готовенькое и будем действовать наверняка». Такова нехитрая «политика» некоторых театров. В результате получается, что всюду, в конце концов, ставятся у нас одни и те же произведения.

Малегот, правда, нельзя винить в том, что он идет по проторенным дорожкам. Пожалуй, Малегот попадает порой в другую крайность. Желая опередить других, он нередко ставит произведения сырые, недоработанные. Разве не досадно, что превосходная музыка Кабалевского в «Мастере из Клемен», связана с таким неудачным и слабым литературным либретто? В этом, конечно, повинна вина театра, который не должен был спать, а добиваться исправления либретто, устранения в нем серьезнейших дефектов. А «Матем» — не должен ли он был бы быть значительно доработан перед тем, как театр влезал его ставить?..

За последние год у нас появился ряд новых советских опер, сюжеты и темы — благодарнейшие, боюше для нашего искусства, политически и художественно чрезвычайно важные. А качество спектаклей, созданных из этих тем? Увы! Надо признать, что качество это зачастую весьма и весьма невысокое. Спектакль «Щоре» в Казани по всеобщим отзывам — спектакль скверный. «Щоре» Фарда в Ленинградском театре им. Кирова — также весьма посредственный спектакль.

Малегот сейчас заканчивает работу над оперой «Мать». Надо ли говорить о важном значении этого спектакля, посвященного галупернейшему произведению нашего величайшего художника. И что же? Либретто Желобинского весьма серьезными

недостатками — политическими и художественными свойствами. Музыка Желобинского, в ряде моментов сильная, яркая, волнующая, в некоторых сценах — невыразительная, аморфная и вялая.

Ссылками на трудность, на новизну темы, на молодость композитора пытаются оправдать дефекты новых опер, дефекты, которые можно было бы исправить. Но достаточно представить себе, что даже идея об опере, посвященной гениальному творению Горького, для того, чтобы нежить, как несостоятельным подобным «опирающим дня». Не говоря уже о том, что Желобинский — отнюдь не новичок в оперном деле («Мать» — третья его опера, поставленная на сцене). — следовало думать еще заранее. Нередко приходится слышать, что высокие требования, предъявляемые к новым произведениям, несовместимы с представлением об эксперименте, проба, творческом риске. Надо решительно и твердо сказать: не только совместимы, но и обязательны, неразрывно связаны друг с другом, ибо подлинный эксперимент в самой своей основе заключает идею о повышении уровня работы, о ее высочайших достоинствах.

Эксперименты, творческое дерзание — это отнюдь не индифференция на грани неграмотности, ленивой мысли, творческого скудоумия, это вовсе не право на второсортность. Наоборот, эксперимент — это ставка на вдохновенный труд, на творческие интуитивы, на высокое мастерство. Смело выдвигаем новых людей, новые темы, воплощая новые идеи, советский театр должен ни на секунду не упускать из виду необходимости борьбы за качество.

Наши оперные театры любят называть себя «лабораториями советской оперы». Но ведь вовсе не всякий лабораторный опыт должен обнародоваться, обязательно предаваться гласности. Иногда допустимо, чтобы театр работал над теми новыми операми, а в спектакль бы на сцену поднимал только одну. Не все сочиняемые и сочиненные оперы заслуживают в дальнейшем своем виде быть поставленными на сцене театра. Но каждый композитор, написавший оперу, заслуживает того, чтобы его творчество заинтересовались, чтобы театры помогли ему советом, разбором его недостатков и т. д. И почему бы нашим театрам не внести в свою практику покая, например, в концертном исполнении некоторых опер молодых композиторов. Как помогло бы это росту оперного творчества, как подняло бы это в результате качество выходящих на сцену наших театров премьер, сколько «горючего материала» это дало бы для нашей творческой дискуссии.

Творческая смелость и инициативность нужны не только для создания советской оперы, но и для критического усвоения наследия прошлого. Это относится и к выбору репертуара. В нашей работе над ним. В 1930 г. Малегот и юбилей Мусоргского ставят «Бориса Годунова». Кроме того, намечена и поставлена другая классическая опера — «Севильский цирюльник». Это серьезное и важное для Малегот начинание. И все таки классический репертуар Малегот, да и вообще всех наших театров, остается бедным. Мы должны поставить перед всеми нашими театрами требование расширить наш репертуар лучшими произведениями классической оперы.

Характерная деталь: наши театры не умеют ценить своего собственного прошлого, забывают собственные победы. Несколько лет назад в репертуаре Малегот был ряд ценных и интересных спектаклей (оперы Моцарта, Верди и др.). Увы! Восстановить ныне эти спектакли театр не может, декорации уничтожены, и работу надо начинать заново.

Уметь отбирать в собственной работе лучшее, хранить это лучшее, неизменно обновлять его — этого не умеют еще делать наши оперные театры. А ведь без этого нельзя строить новое. В творческой бережливости, во внимательном и глубоком усвоении собственного опыта и одновременно в смелом дерзании, в неустанном стремлении вперед — залог развития передового советского искусства.